

Глава IV. 20 июля

Столкновение было настолько яростным, что революционный вихрь затянул буквально всех; жизнь в городе вышла из обычной колеи. Даже *Solidaridad Obrera*, печатный орган НКТ в Каталонии, оказался без директора и редакторов. Номер 20 июля, розданный на баррикадах, был издан группой рабочих активистов — они случайно проходили мимо редакции и, увидев, что там никого не было, по своей инициативе взяли за редакцию, набор и тираж того исторического номера³⁰.

Такой пример инициативы, умноженный на тысячу других, стал основой новой организации, возникающей из развалин старого режима. Повседневная жизнь входила в новое измерение, она породила первые формы самоуправления в промышленных отраслях, транспортной сфере и в распределении продуктов питания. В этот день власть осуществлялась прямо на улицах, самим вооружённым народом. Армия и полиция как таковые исчезли: солдаты, полицейские и рабочие образовали единый блок. Повсюду чувствовался спонтанный дух солидарности и братства: мужчины и женщины, освобождённые от вековых предрассудков буржуазной идеологии, порвали со старым миром и шли вперёд, к будущему, которое каждый из них представлял, как осуществление своих самых сокровенных идей.

«Новая жизнь начиналась в мятежной и богатой Каталонии, огромные фабричные зоны перешли в руки рабочих, как и плодородные поля, навсегда спасённые от помещиков и священников. Вскоре Барселона превратилась в театр революционных действий. Женщины и мужчины, штурмовавшие монастыри, предавали огню всё, что находили внутри, даже деньги. В тысячах пожаров, которые зажёл народ где только было можно, горели устаревшие категории хозяина и раба, и вместе с ними — религиозные изображения. 20 июля заканчивалось как праздник, высвобождающий энергии и страсти...»³¹.

Следуя своему собственному ритму, в те дни преобладала описанная нами картина. Она разрушала и одновременно созидала, разрешая проблемы, возникавшие в потоке коллективной жизни, развивающейся на улице с намерением продолжать своё существование на улице. Каким-то образом улица превратилась во всеобщий дом: повсюду баррикады, рабочие патрули и постоянная бдительность перед лицом угроз, зарождающихся в темноте, когда стреляют и убивают с балконов и крыш. Улица и вооружённый народ представляли собой новую силу и революцию, другими словами — авангард.

Ближайшая линия в тылу состояла из Комитетов обороны, ставших Революционными комитетами кварталов. Они, можно сказать, координировали некую федерацию баррикад, за которыми продолжали укрываться их защитники. Делегаты этих баррикад были представителями перед Революционными комитетами. Их непосредственная задача заключалась в гарантии революционного успеха и отражении любой атаки реакционных сил. Но это было не всё. В Барселоне революция победила благодаря силе оружия. Когда

противник потерпел поражение, победители не могли совершить ошибку игнорирования борьбы за пределами города и самой Каталонии — напротив, они должны были распространить её, применяя силу, вплоть до полного поражения мятежников.

На этом работа не заканчивалась. В Барселоне проживало более миллиона человек. Её населению было необходимо есть, пить и удовлетворять свои многочисленные потребности. Те звенья, которые сорок часов назад разрешали эти проблемы, теперь были разрушены, и поэтому необходимо было заменить их на другие, способные связать город с деревней, пока первый продолжал производить всё необходимое для обеспечения обмена и обеспечения рабочих групп, не участвовавших в процессе производства и посвятивших себя вооружённой обороне. Из всего этого вытекала необходимость наладить работу других цепочек поставки продовольствия, других общественных отношений между пролетариатом и крестьянами и другого способа производства — одним словом, иной организации, необходимой для обеспечения победы революции.

Но организации какого типа? Вопрос о власти встал на повестку дня. И революция должна была найти свой собственный ответ на этот важный вопрос.

До сих пор революция не дошла до дворца, где Автономное правительство представляло власть, разрушенную её действием, лишившим её репрессивных структур. Было ли этого достаточно, чтобы Правительство (Govern de Generalitat — Говерн де Женералитат) прекратило свою деятельность как символ? Являлось ли оно на самом деле символом? Луис Компанис так пишет об этом: «Государство — это не миф, это машина, которая функционирует за пределами человеческих явлений. Государство составляют живые существа, которые приходят в движение в зависимости от системы с заранее установленным порядком: авторитарной или либеральной иерархии, служащей “цепной передачей”. Президент отдаёт приказ — тот автоматически передаётся министру или советнику, который обязан претворить его в жизнь. У министра есть своя собственная “цепная передача”, она приводится в движение посредством секретарей и вице-секретарей и достигает эшелонов иерархии, которая пожимает руку граждан, направляя их на путь, избранный или указанный Президентом. Именно так действует любое “нормальное государство”».

19 июля, — продолжает Компанис, — я нажимал клавишу звонка в своём кабинете, вызывая своего секретаря. Звонок не мог зазвенеть, потому что не было электричества. Если я выходил из моего кабинета, секретаря не было на месте — ему не удалось добраться до дворца Правительства. Но если он и был на своём месте, то не мог связаться с секретарём генерального директора, так как тот не приехал в Женералитат. Но в случае если секретарь директора, преодолевая тысячу преград, находился на рабочем месте, его начальник не смог добраться до места».

В результате яростных уличных столкновений, вызванных агрессией вооружённых “паршивых” (в историческом смысле этого слова), государство представлялось только в лице Компаниса. Но то была не власть Людовика XIV в полном действии своих органических функций, а государственный аппарат, сведённый до масштаба одного человека: без звонков, без секретарей у дверей министерств и цепной передачи, запускающей в действие

его сложный и хрупкий механизм.

«Мы, немногие свидетели драмы Компаниса в те первые дни, — добавляет Хауме Миравитлес, — никогда не забудем его тревогу, его храбрость и его отчаянное усилие направить в должное русло адский поток бушующих страстей»³².

Что мог сделать человек, оставшийся в одиночестве? Очень мало, если бы на самом деле Луис Компанис остался в одиночестве. Но это было не так. Кто же был рядом с ним? Народный фронт. Торжествующая революция в Барселоне сталкивалась с тяжелейшим препятствием, возникшим в результате её собственной неразберихи: она, будучи радикальной в самом прямом смысле этого слова, оставляла действующим сам символ и, следовательно, Народный фронт. Кто мог укрываться под знаменем Народного фронта, с тем чтобы символ восстановил свою реальную власть? Враги революции, иными словами — контрреволюция. Первыми, кто пришёл на помощь Луису Компанису, пока продолжались уличные бои, были представители крошечной коммунистической партии, существовавшей в Каталонии.

«Коммунистическая партия Каталонии, Каталонская федерация ИСПП (PSOE), Социалистический союз Каталонии и Пролетарская партия Каталонии образовали Комитет по связям для основания единой марксистской партии. Официальные историки КПИ продолжают:

“Этот Комитет по связям потребовал от Луиса Компаниса провести собрание с Народным фронтом Каталонии, чтобы подготовить расширенный состав Автономного правительства и ввести в него различные партии, входящие в Народный фронт. Компанис согласился. Собрание было проведено 21 июля 1936 года с участием Видиелы, Комореры, Вальдеса и Сесэ — от рабочих партий; Тараделаса и Айгуадера — от левых; Тасиса и Маркоса — от Республиканского действия Каталонии и ПОУМ.

На встрече преобладал климат единства. Идея создания каталонского правительства на базе Народного фронта была встречена одобрительно. Приняли решение основать народные милиции. Уже приступили к обсуждению методов на практике и редактированию декретов.

Неожиданно в зал вошла довольно большая группа анархистских руководителей, перепоясанных ремнями, с пистолетами, а некоторые и с винтовками за плечами: Гарсия Оливер, Дуррути, Васкес, Сантьян, Эролес, Портела. Они имели при себе ультиматум...”³³

Этот абзац неясен до той степени, что непонятно откуда и каким образом явилась эта группа анархистов, предъявляющая свой ультиматум. Чтобы разъяснить упомянутый факт, нам необходимо вернуться назад, чтобы параллельно поставить Луиса Компаниса и НКТ в их соответствующие роли. Тем не менее — и в этом заключается ценность предыдущей цитаты — становится ясным, что с 20 июля, пока шли уличные бои, руководители каталонского коммунизма и буржуазного республиканского народного фронта протягивали свою руку Луису Компанису, чтобы поддержать его в контрреволюционной борьбе, или в том, что Миравитлес называет «направить в должное русло адский поток бушующих страстей».

После того как было покончено с сопротивлением в Атарасанас и Военном штабе, Генеральный комиссар охраны правопорядка Федерико Эскофет, который представляет себя в своих мемуарах творцом триумфа над восставшими военными, не может понять следующего феномена: как он, будучи ключевым деятелем этой победы, после её достижения не располагал минимальным контролем над силами, пошедшими в бой по его приказу на рассвете 19 июля? «Военный мятеж был остановлен, но в Комиссариате охраны порядка мы не знали, что предпринять, потому что восстание против правительства, которое мы считали законным, хотя некомпетентным и довольно слабым, полностью расшатало пружины общественного порядка, за который мы отвечали. Тысячи людей обоих полов, бóльшая часть которых не участвовали в боях, вышли на улицы с оружием, которое было украдено, неся чёрно-красные, красные или каталонские знамёна; некоторые изображали звезду; они ехали на грузовиках и автомобилях, реквизированных партийными комитетами, рабочими организациями или вышедшими из-под контроля людьми. Было практически невозможно восстановить всеобщую дисциплину и порядок в наших структурах Охраны правопорядка, и даже в рядах Гражданской гвардии. Гвардейцы, опьянённые энтузиазмом, заразились атмосферой и, сбросив мундиры, тоже разъезжали на грузовиках со знамёнами и надписями названий организаций, причём преобладали НКТ-ФАИЗ4».

Таковой была ситуация, когда Федерико Эскофет прибыл во дворец Правительства, чтобы доложить Луису Компанису: мятеж был полностью подавлен. «В его лице, — пишет Эскофет, — перемешались грусть, разочарование и беспокойство.

перемешались грусть, разочарование и беспокойство.

— Президент, я пришёл, чтобы доложить вам официально: восстание полностью нейтрализовано...

Президент ответил мне:

— Да, Эскофет, очень хорошо. Однако ситуация хаотична. Вооружённая и бесконтрольная толпа заполнила улицы и предаётся всевозможным излишествам³⁵.

А с другой стороны, НКТ, мощно вооружённая, контролирует город и имеет реальную власть. Что же можем сделать мы в противовес?»

Ответ Эскофета:

«— Президент, я взял на себя обязанность подавить военный переворот, если таковой имел место. И выполнил своё обещание. Но структура власти должна иметь соответствующие механизмы для принуждения, и такие механизмы на сегодняшний день отсутствуют. Следовательно, власть отсутствует. А я, дорогой Президент, не способен творить чудеса. Я поговорил с генералом Арангуреном, начальником Гражданской гвардии и главой IV Дивизии (Военного штаба), а также с команданте Аррандо, командиром Гвардии безопасности и штурмовиков. Оба, как и я, убеждены, что для восстановления порядка необходимо мощное сражение, как недавно имевшее место, но это невозможно. Как заставить наших гвардейцев, смертельно усталых, но опьянённых и восторженных достигнутым триумфом, идти убивать тех самых людей, с которыми они сражались плечом к

плечу против общего противника, за идеалы свободы? Если бы мы совершили глупость и попытались предпринять это, то также ничего бы не добились. По тем же самым причинам и в силу гуманных соображений органы правопорядка не стреляли в толпу людей, заполнивших арсенал в Парке-де Артильери-Сант-Андреу, заведомо зная, что в результате их бездействия всё оружие будет похищено.

Тем временем все мы, и даже сами руководители НКТ, — в крайнем напряжении. Единственный выход — это поддерживать ситуацию политическими мерами в рамках наших соответствующих структур власти. Если с вашей стороны это удастся, я беру на себя обязательство вновь контролировать город, когда вы мне прикажете, или, когда обстоятельства будут благоприятными. В противном случае вы можете поступать по своему усмотрению и передать кому-либо другому должность генерального комиссара “Общественного беспорядка”».

Эскофет пишет в заключение:

«Мы простились под грустным впечатлением. Я никогда не видел президента Компаниса таким разбитым, как под конец нашего разговора. Сможет ли он путём политических мер держать под контролем ситуацию? К сожалению, Президент не знал, каким образом добиться этого, или же не смог. Мог бы кто-нибудь другой, будь он на его месте, решить эту проблему, непосильную для Президента Компаниса, несмотря на его талант, опыт и престиж? Я сомневаюсь. Кроме того, думаю, никто (а я тем более) не имеет право осуждать его поведение и занятую позицию в те трудные дни. Спустя несколько часов после нашего разговора президент объявил о своём желании провести консультацию со всеми политическими партиями и профсоюзными организациями. И естественно, с НКТФАИ»³⁶.

Эскофет меняет факторы местами. В те дни политические партии не принимались в расчёт. Лишь только в том случае, если бы НКТ и ФАИ согласились вести переговоры с Луисом Компанисом.

Когда Луис Компанис решился на встречу с НКТ и ФАИ, то был уверен, что поддержка Народного фронта не являлась для него даже минимальным спасательным плотом и что те силы, которые ранее верно служили ему, теперь, под воздействием революционной атмосферы, выходили из-под его контроля. Однако положение Компаниса не было похожим на положение любого политика, который в моменты шторма хватается, как говорят в народе, за соломинку. Здесь всё было гораздо сложнее. Чтобы лучше понять беспокойство Компаниса и его сдерживаемую горечь, необходимо вернуться назад, к 10 мая 1934 года, когда он у себя принял деятелей НКТ, о чём мы рассказали во второй части этой книги. Тогда НКТ просила прекращения постоянных агрессивных действий против организации, другими словами — передышки. Луис Компанис от имени Автономного правительства не только не принял этого предложения, но даже, с целью покончить с НКТ, ещё более усилил репрессии. Разрушительный эффект этой политики сказался 6 октября 1934 года. Луис Компанис ранее не хотел признать свою политическую ошибку, но теперь он был вынужден сделать это публично и перед тем же делегатом, который 10 мая просил его о прекращении преследований. Новое положение представлялось в обратном порядке, так как теперь Компанису приходилось просить о передышке с его позиции структур власти. Но

предоставит ли НКТ ему такую передышку? И если да, то Компанис был убеждён в том, что НКТ не даст ему не более чем кислородную подушку, так как эта профсоюзная организация или её деятели, такие как Гарсия Оливер, не откажутся от потери завоёванных позиций. Было ясно, что вопрос о власти будет обсуждаться всего лишь косвенно и предварительно подразумевая эту тему. Таким образом, НКТ и Компанис пришли бы к компромиссу под давлением обстоятельств. И такое отношение было настолько сильно в настроениях Компаниса, что даже после разговора президент продолжал считать, что соглашение, достигнутое между ним и НКТ, было не чем иным, как временным пактом³⁷.

Когда было покончено с оплотом мятежа в Атарасанас, группа «Мы» и другие влиятельные активисты НКТ и ФАИ направились в Профсоюз работников строительства, на улицу Меркадерс, где теперь действовал Региональный комитет НКТ. Он переехал из здания на улице Пасахе-дэль-Релох, занимаемого вплоть до 10 часов вечера 18 июля. Они прошли с Лас Рамблас по улице Фернандо, пересекли Площадь республики, оставляя слева дворец Женералитат, и справа здание Муниципалитета Барселоны, чтобы спуститься по улице Хауме I и затем пойти по Виа Лайетана до улицы Меркадерс, где находился упомянутая профсоюзная организация. Во дворе, перед входом в дом номер 32, всё пространство было заполнено автомобилями и вооружёнными людьми. У входа в профсоюз стояла мощная охрана — рабочие с винтовками в руках. Неподалёку — пулемёты, стволами направленными на Виа Лайетана, где располагалась Главная полицейская комендатура. Присутствие Дуррути и Гарсии Оливера произвело всеобщее волнение среди присутствующих, так как многие рабочие, находившиеся там, никогда не видели их вблизи. Комната секретариата, где работал Мариано Р. Васкес, была очень маленькой для числа людей, собравшихся в ней и в зале. Невозможно было работать и принимать товарищей, приходивших за информацией. Франсиско Исглеас предпринял невероятные усилия, чтобы выйти из секретариата. Ему нужно было выехать в Херону для встречи с товарищами и информировать их о положении в Барселоне. При выходе он столкнулся с Дуррути и Гарсией Оливером; крепко обняв обоих, он выразил всеобщий энтузиазм.

Кругом стоял невообразимый шум, повсюду торопящиеся люди с винтовками сообщали последние вести или расспрашивали о них. В таких условиях невозможно не только работать, но и обменяться впечатлениями о произошедшем. Вдруг зазвонил телефон — спросили о Мариано Р. Васкесе. Мариано взял трубку:

— Да, говорит секретарь Регионального комитета НКТ. (...). Все присутствующие почувствовали важность этого звонка и смогли услышать ответ Вáскеса, произнесённый тоном, как бы подшучивая над кем-то:

— Понимаю. Хорошо, мы сейчас же обсудим это. Повесил трубку, повернулся к остальным и сказал:

— Президент Компанис настоятельно просит, чтобы Региональный комитет прислал делегацию. Он хочет начать переговоры³⁸.

После быстрого обмена мнениями решили, что просьбу Луиса Компаниса нельзя было удовлетворить без предварительного обсуждения с членами организации. Тогда через два

часа решили созвать собрание. Эмиссары отправились по адресам, и были сделаны необходимые телефонные звонки, с тем чтобы объявить делегатам организаций, Революционным и Региональным комитетам о предстоящем собрании.

Так как «Дом Камбо» (Casa Cambó), где находилась Организация национального развития труда, неподалёку от Профсоюза строителей, был занят анархистской молодёжью, решили, что заседание состоится в одном из просторных салонов здания. Люди начали собираться в «Доме Камбо». А затем обстановка в помещении полностью изменилась, так как в офисах и отделах, всего лишь тридцать шесть часов назад занимаемых крупными финансистами и промышленниками Барселоны и других регионов Каталонии, начали свою работу комитеты и координационные органы профсоюзов Барселоны³⁹.

Произошедшая перемена «Дома Камбо» через несколько минут уже была видна сразу на входе: полукруг входных дверей был завален баррикадой из мешков с песком, установлены два пулемёта, за которыми стоял закалённый рабочий патруль. Вскоре вывесили огромный плакат: «Региональный комитет НКТ Каталонии. НКТМАТ». Здание было тотчас же переименовано: «Дом НКТ-ФАИ». Как только наступил вечер, все оповещённые о пленарном собрании НКТ И ФАИ находились в одном из салонов нового «Дома НКТФАИ».

Заседание началось с того, что присутствующие разделились на группы: не только в силу мнений о встрече с Компанисом, но и ввиду ситуации на улицах города. Хотя было ясно, что ещё невозможно глубоко оценить развязку всего произошедшего, также становилось понятно: роль анархистов в подобных обстоятельствах не могла быть иной, кроме воодушевления народных масс на самые глубокие преобразования с революционной точки зрения. Вставал важный вопрос, и в ответе на него было заложено много аспектов. Проблема требовала спокойного анализа и времени, без спешки. Тем не менее в те моменты положение не обсуждалось в таком ключе — напротив, на скорую руку. В результате тридцати шести часов непрерывных боёв, нервного напряжения и неизвестности все испытывали смертельную физическую и умственную усталость. Голоса участников были хриплыми, они держались на ногах благодаря кофе и табаку.

При первом обсуждении проблемы чётко выявились различные позиции, хотя было важно одно, что объединяло всех: не дать упустить одержанную победу. На эту тему обсуждались разные критерии: Гарсия Оливер предлагал провозгласить либертарный коммунизм, а Диего Абад де Сантильян настаивал на сотрудничестве с другими политическими секторами, участвовавшими в борьбе. Между такими точками зрения возникала третья, которую Гарсия Оливер считал ошибочной⁴⁰: её автор — Мануэль Эскорса — предлагал использовать Автономное правительство для коллективизации на селе и обобществления промышленности, превращая синдикализм в решающую общественную силу. Когда такая цель будет достигнута, Женералитат останется без власти, и сама собой сойдёт на нет. Сторонники такой позиции придерживались мнения, что не нужно было добиваться согласия с правительством, так как вопрос власти практически был разрешён, ведь она находилась в руках НКТ-ФАИ. Ошибка такой позиции, с точки зрения анархистов, привлекла наиболее радикальные элементы. Делегация из Бахо-Льобрегат под началом Хосе Хены высказалась против сотрудничества с правительством, но, не объединившись с позицией Гарсии Оливера, приближалась к точке зрения Эскорсы или напрочь отрицала решение

существующей проблемы.

В заключение, хотя и к таковому не пришли, было принято решение согласиться на аудиенцию с Компанисом, для того чтобы уточнить намерения Президента Женералитат, причём не идя на уступки и не позволяя никаких запугиваний⁴¹.

Версия #1

Зверобой создал 19 июля 2025 00:41:12

Зверобой обновил 19 июля 2025 00:47:23